

И. И. СМЕРНОВ

К ПРОБЛЕМЕ «СМЕРДЬЕГО ХОЛОПА»

Среди «трудных» мест Русской Правды, издавна привлекавших внимание ее исследователей и комментаторов, должны быть особо выделены ст. 26 Краткой Правды и соответствующая ей ст. 16 Пространной Правды.

Суть проблемы, связанной с названными статьями Русской Правды, состоит в том, что как ст. 26, так и ст. 16 представлены в различных списках двумя параллельными текстами, причем коренным образом отличающимися друг от друга.

Статья 26 Краткой Правды имеет чтение: «А в смерде и хо[ло]пе 5 гривен» (Академический список) и «А в смерды в холопе 5 гривен» (Археографический список).

Статья 16 Пространной Правды соответственно имеет чтение: «А за смердии холоп 5 гривен» (Троицкий список) и «А за смерд и холоп 5 гривен» (Карамзинский список). Итак, согласно одному чтению (Академический и Карамзинский списки), Русская Правда ставит смерда рядом с холопом и устанавливает за убийство смерда и холопа одну и ту же плату — 5 гривен. Напротив, согласно другому чтению (Археографический и Троицкий списки), смерд сам имеет холопа, является холоповладельцем, и ни о каком равенстве между смердом и холопом не может быть и речи.

Совершенно очевидна ответственность решения вопроса о том, какой из двух вариантов ст. ст. 26 и 16 является верным, а какой — ошибочным. Ибо из того или иного решения данного вопроса следуют далеко идущие выводы о положении центральной социальной категории эпохи Русской Правды — смерда (равно как и холопа).

Этим объясняется то, что вопрос о том, какое чтение названных статей — «смерд и холоп» или «смердий холоп» — является правильным, а какое — ошибочным, на протяжении всего пе-

1960

риода изучения Русской Правды был предметом тщательного и глубокого исследования и вместе с тем острых и глубоких разногласий.

Обе точки зрения на ст. ст. 26 и 16 представлены именами крупнейших представителей русской исторической науки XIX—XX вв. Так, Карамзин, Соловьев, Сергеевич (и вслед за ним Гетц), Дьяконов принимали чтение «смердий холоп», Полевой, Чичерин, Беляев, Ключевский, Павлов-Сильванский, Пресняков, напротив, считали, что в названных статьях речь идет о «смерде и холопе».¹

В советской историографии вопрос о существовании ст. ст. 26 и 16 получил принципиально иную постановку и соответственно решение. Эта новая постановка вопроса заключалась в том, что, по меткому определению Б. А. Романова, вопрос о том, какое из двух чтений ст. ст. 26 и 16 является правильным, был «вынесен за пределы текста Русской Правды — на широкую базу социологической трактовки вопроса о смердах на основании всех источников (как летописных и документальных русских, так и иностранных)».²

Решение вопроса о смердах советские исследователи искали на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях и феодализме как общественно-экономической формации, основу которой составляет эксплуатация феодалами-землеладельцами труда крепостных крестьян.

Такая постановка вопроса давала надежный критерий для выбора правильного варианта чтения ст. ст. 26 и 16. В феодальном обществе Руси XI—XII вв. крестьянин-смерд, конечно, не мог являться владельцем холопов, рабовладельцем.

Напротив, сближение положения закрепощенного крестьянина-смерда и раба-холопа вполне закономерно и чрезвычайно характерно для феодального общества вообще, для феодальной Руси XI—XII вв. в частности. Этим, конечно, следует объяснить, что при наличии ряда расхождений и разногласий по вопросам истории Киевской Руси, и в частности по вопросу о смердах, советская историческая наука в лице крупнейших исследователей истории Киевской Руси в целом и Русской Правды в особенности — Б. Д. Греков, С. В. Юшков, Б. А. Романов, С. В. Бахрушин — с поразительным единодушием выска-

¹ Свод высказываний этих историков см. во II томе «Правды Русской» (М.—Л., 1947), в комментариях к ст. 26 Краткой Правды и к ст. 16 Пространной Правды. Отсутствует там лишь высказывание С. М. Соловьева, считавшего, что в Русской Правде речь идет о «холопе», принадлежавшем простому человеку, «смерду» (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 1. СПб., б. г., стлб. 230).

² Правда Русская. Учебное пособие. М.—Л., 1940, стр. 50.

залась в пользу правильности варианта «смерд и холоп» и отвергла, как ошибочное, чтение «смердий холоп».

Вместе с тем широкий размах работ по исследованию текста Русской Правды в связи с подготовкой под руководством Б. Д. Грекова академического издания Русской Правды имел своим результатом крупные достижения и в плане изучения этого памятника. Среди них особенно важное значение для рассматриваемого вопроса имеют комментарии Б. А. Романова к Русской Правде и палеографические разыскания В. П. Любимова.

Б. А. Романов в своем комментарии к Краткой Правде с наибольшей полнотой развил, оставаясь «в пределах текста Краткой Правды», аргументацию против варианта «смердий холоп», представив ее в виде следующих «пяти соображений против „смердьего холопа“ Археографического списка»: 1) выпадение оценки княжеского холопа (раз рядович — не холоп); 2) выпадение оценки жизни смерда при наличии оценки княжеского коня наряду со смердьим в ст. 28; 3) невыдержанность параллелизма в цифрах смердов и княжеских людей и имущества (уравнение холопов и различие коней — 3 и 2 гривны); 4) нарушение сплошного ряда оценок княжих людей и имущества в ст. ст. 19—28, причиняемое вторжением в этот ряд ст. 26, тогда как ст. 27, несомненно, имеет в виду рабу-кормилицу княжью, а не смердью; 5) отмеченное уже необычайное повторение предлога «в».³

Построенная строго логически аргументация Б. А. Романова обладает очень большой силой убедительности.

Исследования В. П. Любимова еще более усиливают доводы в пользу чтения «смерд и холоп», добавляя к аргументам смы-

³ Там же, стр. 50, 51. — В пункте 5 Б. А. Романов имеет в виду наблюдение Н. П. Павлова-Сильванского (поддержанное В. П. Любимовым), что «если бы слово „смердьи“ (в Археографическом списке, — И. С.) имело значение прилагательного, тогда бы за ним не было предлога „в“ (в смердьи в холопе; повторение предлога „в“ указывает, что здесь соединены два имени существительных)» (Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 224). В. П. Любимов также считает, что «в этом чтении имеется лишний предлог „в“. Здесь следовало бы ожидать „в смердьи холопе“. По крайней мере мы имеем такое написание без второго предлога „в“ в других подобных случаях в этом смысле: „а в ездовом княже“; „а во княже тивуне“; „а в рядовице княжи“. Второй же предлог „в“ мы встречаем только там, где речь идет о нескольких предметах: „а в сельском старосте княжи и в ратаинем“; „а в огнищанине и в тиунце и мечнице“; „а в голуби и в куряти“; „а в утки и в гуси и в жераве и в лебеде“. Следует думать, что и в данном случае, ввиду наличия двух предлогов „в“, речь шла о двух предметах, т. е. о смерде и холопе, и что чтение „в смердьи в холопе“ получилось уже потом, в результате порчи текста» (В. П. Любимов. Смерд и холоп. Исторические записки, № 10, 1941, стр. 69).

слового характера доказательства палеографического порядка. В первом из исследований, в статье «Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской Правды», В. П. Любимов путем тщательного палеографического анализа Академического списка Русской Правды пришел к выводу, что текст не дошедшего до нас протографа этого списка был графически (посредством прописных букв) расчленен на ряд частей, или фрагментов, причем из характера этого деления «совершенно ясно, что некоторые из этих фрагментов объединены одной темой, а некоторые другие, быть может, показывают единый источник происхождения».⁴ Один из этих графических комплексов, выделенных В. П. Любимовым, имеет прямое отношение к чтению «смерд и холоп». Комплекс этот, включающий в себя ст. ст. 22—26, по своему содержанию касается «только убийства лиц, работавших в княжеском хозяйстве», открываясь статьей о князем тиуне и заканчиваясь статьей о смерде и холопе. То, что эта статья оказалась графически объединена в единый комплекс со статьями о княжеских людях, дает ключ и к правильному ее пониманию. По справедливому замечанию В. П. Любимова «было бы странно предполагать, что, вслед за упоминанием об этих участниках княжеского хозяйства (от тиуна до рядовича, — И. С.) вдруг в конце данной части, которую можно назвать специальным уставом, пошла бы фраза не о смерде и холопе, т. е. не о работниках у князя, а о смердъем холопе, т. е. холопе, принадлежащем смерду».⁵

Б. Д. Греков, принимая вывод В. П. Любимова о графическом единстве в протографе текста Русской Правды комплекса статей Правды Ярославича, трактующего о людском составе вотчин, комментирует этот «убедительный вывод» следующим образом: «Следовательно, в сознании людей XI—XII вв. весь этот перечень слуг и непосредственных производителей мыслился как комплекс людей, зависимых от вотчинника (что подтверждается и содержанием закона)».⁶

В другой своей работе, в статье «Смерд и холоп» В. П. Любимов, опираясь на свое исследование по классификации списков Русской Правды, прослеживает историю текста о смерде и холопе как в Краткой Правде, так и во всех группах списков Пространной Правды и приходит к выводу, что чтение «смердий холоп» не отражает реальную действительность XI—XII вв., а представляет собой лишь ошибочную литературную традицию, создавшуюся «из случайно возникшего чтения

⁴ В. П. Любимов. Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской Правды. Историк-марксист, 1938, № 5, стр. 160.

⁵ Там же, стр. 160, 161.

⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Госполитиздат, М., 1953, стр. 228.

о смердьем холопе», или, как выражается В. П. Любимов, «своего рода легенду, которая прошла через большое количество списков и была принята исследователями за историческую истину».⁷

Этот вывод В. П. Любимова, основанный на детальном анализе текста всех известных списков Русской Правды и принадлежащий «крупнейшему знатоку Русской Правды» (слова Б. Д. Грекова), автору классификации списков Русской Правды, положенной в основу академического издания Русской Правды, получил высокую оценку и авторитетную поддержку со стороны Б. Д. Грекова (а позднее и С. В. Юшкова), который подчеркнул, что после работ В. П. Любимова «спор может считаться законченным и решенным в пользу чтения «в смерде и холопе»».⁸

За последнее время, однако, проблема «смердьего холопа» вновь оказалась поставленной в литературе, однако в несколько иной форме, чем раньше, а именно — с принятием за правильное чтение «смердий холоп», но с истолкованием термина «смердий» не как «принадлежащий смерду», а в смысле «пашенный», «работавший на пашне».

Такое толкование термина «смердий холоп» было выдвинуто М. Н. Тихомировым в его «Исследовании о Русской Правде».⁹ М. Н. Тихомиров, как и В. П. Любимов, считает, что «текст Пространной Правды мог возникнуть при нераздельном чтении „въ смердѣи въ хо[ло]пѣ“, вследствие чего из двух терминов образовался один». Вместе с тем, однако, по мнению М. Н. Тихомирова, «само понятие „смердий холоп“ в тексте Пространной Правды, по-видимому, обозначает вовсе не холопа, принадлежащего смерду, а холопа, работавшего на пашне, подобно смерду, в отличие от ремесленника, упомянутого в той же статье».¹⁰ Свое толкование термина «смердий холоп» М. Н. Тихомиров развивает — причем в еще более решительной форме — и в комментарии к его изданию Русской Правды. Соглашаясь

⁷ В. П. Любимов. Смерд и холоп, стр. 83.

⁸ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 228.

⁹ Понимание термина «смердий холоп» в смысле «пашенный холоп» было предложено еще в 1885 г. П. Н. Мрочек-Дроздовским. Свое толкование он обосновывал ссылкой на то, что «все относящееся к земледелию как обычному занятию смердов называлось смердьим». «Отсюда, — по мнению Мрочек-Дроздовского, — самым естественным названием пашенного холопа является смердий холоп» (П. Н. Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде, вып. II. М., 1885, стр. 281, 282). В дореволюционной литературе точка зрения Мрочек-Дроздовского не получила признания и поддержки (см. комментарий к ст. 26 Краткой Правды в кн.: Правда Русская, т. II, стр. 171—182).

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 201.

с невозможностью видеть в «смердьем холопе» «холопа смерда», ибо «тогда непонятно, почему в княжеском законодательстве упомянут смердий холоп (как думает В. И. Сергеевич), а нет ни княжеского смерда, ни княжеского холопа, составлявших основную рабочую силу княжеского хозяйства», и допуская, что чтение «смердий холоп» «могло зависеть от того, что при отсутствии в древних рукописях разделения на буквы и близости написания „ѣ“ и „ь“ писец Археографического списка по-своему понял текст. Так его поняли и составители Пространной Правды, М. Н. Тихомиров тем не менее в конечном счете высказывается в пользу первоначальности и правильности чтения «смердий холоп» не только в Пространной, но и в Правде Ярославичей: «„Смердий холоп“ — это тот холоп, который занят в хозяйстве и выполняет работу смерда, то есть обрабатывает землю (см. различные наименования холопов: беглый, боярский, «збой», «по ключу», обельный и т. д. — Материалы для терминологического словаря. М.—Л., 1937, стр. 384—385). „Смердьи холопы“ Правды Ярославичей, вероятно, обозначают ту челядь, которая обрабатывала княжескую землю под призором тиунов и старост».¹¹

Толкование М. Н. Тихомирова принял А. А. Зимин, который в своем переводе Русской Правды переводит «смердий холоп» как «пашенный холоп».¹²

Однако, в отличие от М. Н. Тихомирова, для Краткой Правды А. А. Зимин считает правильным чтение Академического списка и переводит ст. 26 Краткой Правды: «А за (убийство) смерда или за (убийство) холопа».¹³ Чтение же Археографического списка «в смердьи в холопе» является, по мнению А. А. Зимина, «позднейшим», а понимание этого чтения как означающего «якобы холопа, принадлежащего смерду», — «ошибочным».¹⁴

Поэтому А. А. Зимин предлагает свое объяснение происхождения термина «смердий холоп». «Смердий холоп — появился в результате унификации наименования различных категорий челяди; как в ст. ст. 13, 14 из конюха и огнищанина Краткой Правды появились конюшенный и огнищный тиун, так и в ст. 16 появился из смерда и холопа смердий холоп. Холоп в Пространной Правде уже термин, обнимавший ряд групп зависимого населения. Это связано с дальнейшим развитием феодальных отношений на Руси, с превращением отдельных групп холопов

¹¹ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 81—82.

¹² ПРП, вып. 1, стр. 122.

¹³ Там же, стр. 83.

¹⁴ Там же, стр. 99.

в разряды феодально зависимого населения. Пространная правда знает „обельного холопа“ (см. ст. ст. 56, 61, 63), т. е. полного раба, и „смердьего холопа“, т. е. холопа пашенного. Ср. „смердьего коня“ в ст. 28 Краткой Правды как коня пашенного, находящегося в пользовании у смерда.¹⁵

Точка зрения М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина по вопросу о «смердьем холопе» вызвала в литературе различное отношение. Б. Д. Греков и С. В. Юшков, принимавшие как правильное чтение «смерд и холоп», не изменили своих позиций. Б. Д. Греков в последнем издании «Киевской Руси» (в котором неоднократно цитируется исследование М. Н. Тихомирова о Русской Правде) ссылается на исследования В. П. Любимова и отмечает «исчерпывающую убедительность» аргументации последнего.¹⁶

С. В. Юшков в своих работах, опубликованных после «Исследования о Русской Правде» М. Н. Тихомирова, не принял предложенного М. Н. Тихомировым толкования термина «смердий холоп» и решительно высказался в пользу чтения «смерд и холоп» как для Краткой, так и для Пространной Правды. Так, в книге «Общественно-политический строй и право Киевского государства» после подробного разбора литературы, сославшись на комментарий Б. А. Романова (который «обобщил все аргументы против взгляда некоторых исследователей о том, что в соответствующих статьях Русской Правды, и в частности в статье 25 (26) Краткой Правды, дело идет о „смердьем холопе“») и на исследование В. П. Любимова «Смерд и холоп», С. В. Юшков заключает, что «после работы В. П. Любимова, который к этим данным присоединил ряд соображений палеографического порядка, вопрос о толковании статьи 25 (26) Академического списка может считаться окончательно решенным».¹⁷

В другом исследовании, в опыте реконструкции текста Краткой и Пространной Правды С. В. Юшков восстанавливает текст ст. 26 Краткой Правды в следующем виде: «А в смердѣ и в холопѣ 5 гривен».¹⁸ Текст же ст. 16 Пространной Правды С. В. Юшков восстанавливает в следующем виде: «А за смердь и холоп 5 гривен». При этом С. В. Юшков делает специальное примечание, указывая, что «имеется большое число списков, где говорится смердъ и холоп», и заключая, «можно полагать, что в протографе II—V редакций (т. е. в Пространной Правде, — И. С.) стояло смердъ и, т. е. так же, как и в про-

¹⁵ Там же, стр. 145.

¹⁶ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 228.

¹⁷ С. В. Юшков. *Общественно-политический строй и право Киевского государства*. М., 1949, стр. 302, 303.

¹⁸ С. В. Юшков. *Русская Правда*. М., 1950, стр. 204.

тографе I редакции (т. е. «Краткой Правде», — И. С.)». ¹⁹ Против толкования «смердьего холопа» как «пашенного холопа» высказался А. И. Копанев, подчеркнувший, что толкование ст. 16 Пространной Правды С. В. Юшковым, «исходившим из чтения Карамзинской группы», представляется ему «более правильным», чем толкование А. А. Зимина, разъясняющего выражение «смердий холоп» как «холоп пашенный», и указавший, что «аналогия с конем смердьим ст. 28 Краткой Правды неудачна, так как в ст. 28 противопоставляется конь княжеский (с пятном) коню смерда, пашенным же конем мог быть и тот и другой». ²⁰

Несколько иную позицию в отношении точки зрения М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина в вопросе о «смердьем холопе» занимает Л. В. Черепнин, который в своей статье «Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси», с одной стороны (в основном тексте), указывает, что ст. 26 (у Л. В. Черепнина, по нумерации Калачова, ст. 23) «говорит о том, что за убийство смерда взывается штраф в 5 гривен, как и за убийство холопа», а с другой (в специальном примечании), оговаривается, что, «может быть, впрочем, речь идет о штрафе не за смерда и холопа, а специально за „смердьего холопа“, т. е. холопа, посаженного на пашню (см. Пространную правду)». ²¹

В другой своей работе, в книге «Русская палеография» Л. В. Черепнин более определенно высказывается в пользу чтения «смерд и холоп», приводя исследование В. П. Любимова в качестве примера того, как «палеографические наблюдения» подтверждают то, что «значительная часть смердов в XI—XII вв. попала в феодальную зависимость», и, напротив, «не подтверждают версии о смердах-рабовладельцах в древней Руси». Однако и здесь Л. В. Черепнин сохраняет элементы двойственности в своей позиции, оговаривая, что «возможно также видеть в „смердьем холопе“ пашенного холопа — холопа, посаженного на пашню». ²²

Наконец, особняком стоит Б. И. Сыромятников, который в статье «О „смерде“ древней Руси», специально посвященной критическому разбору исследования В. П. Любимова «Смерд и холоп», объявляет «попытку» В. П. Любимова «совершенно не-

¹⁹ Там же.

²⁰ А. И. Копанев. Рецензия на вып. I—III «Памятников русского права». Исторический архив, 1955, № 6, стр. 215.

²¹ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. Исторические записки, № 56, 1956, стр. 249.

²² Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 9.

удавшейся» и продолжает настаивать на толковании «смердьего холопа» как холопа, принадлежащего смерду.²³

Итак, в вопросе о «смердьем холопе» новейшие исследователи занимают различную позицию. Это обязывает к тому, чтобы рассмотреть данный вопрос по существу.

Обращаясь к рассмотрению аргументации М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина, следует прежде всего обратить внимание на внутреннюю противоречивость их позиции. Противоречивость эта заключается в стремлении к объединению двух рядов доказательств: палеографического и исторического. Совершенно очевидно, однако, что палеографическое объяснение происхождения термина «смердий холоп» особенностями древнерусского письма имеет своей логической предпосылкой то положение, что термин «смердий холоп» — это фикция, не имеющая под собой никакой реальной основы в общественно-экономических отношениях Руси XI—XII вв. и представляющая собой просто результат осмысления писцами или редакторами списков Русской Правды дефектного или непонятного и поэтому неправильно прочтенного текста протографа Русской Правды. Наоборот, признание рационального содержания термина «смердий холоп» сразу же рушит всю схему палеографического объяснения путей образования этого термина. И теперь уже перед палеографами встает прямо противоположная задача: выведения из правильного чтения «смердий холоп» ошибочного — «смерд и холоп».

Надо сказать, однако, что в позиции М. Н. Тихомирова эта внутренняя противоречивость аргументации выступает менее сильно, чем у А. А. Зимина. Говоря точнее, М. Н. Тихомиров, несомненно, почувствовав противоречивость формулировок по вопросу о «смердьем холопе», имеющих в его «Исследовании о Русской Правде», в своем комментарии к Русской Правде устранил эту противоречивость путем признания первоначальности и правильности термина «смердий холоп» уже в Краткой Правде (что, несомненно, сделало ненужным палеографическое объяснение термина «смердий холоп»).

Напротив, А. А. Зимин полностью строит свою позицию в вопросе о «смердьем холопе» на основе системы двух доказательств. Поэтому для Краткой Правды термин «смердий холоп» выводится А. А. Зиминим палеографически и квалифицируется

²³ Б. И. Сыромятников. О «смерде» древней Руси. Ученые записки МГУ, вып. 116, Труды Юридического факультета, кн. 2, М., 1946, стр. 26, 31: «В статьях 22—24 Академического списка сопоставляются ... холопы князя и смерда на предмет установления таксы («урока») за убийство различных разрядов холопов (от 5 до 12 гр.), согласно которой хозяева и получают за них вознаграждение».

как фикция. Для Пространной Правды А. А. Зимин применяет совершенно противоположную систему объяснения происхождения термина «смердий холоп», усматривая реальную основу для образования этого термина в процессах, характеризующих социально-экономическое развитие Руси XII в. И так, М. Н. Тихомиров и А. А. Зимин несколько отличаются друг от друга по системе аргументации. Кроме того, М. Н. Тихомиров считает, что «смердьи холопы» были уже во времена Правды Ярославичей, А. А. Зимин же относит появление «смердских холопов» лишь ко временам Пространной Правды. Наконец, и само понимание «смердских холопов» у М. Н. Тихомирова несколько иное, чем у А. А. Зимина. Но при всем том основа позиции у М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина — общая, заключающаяся в трактовке термина «смердий холоп» как обозначающего определенную категорию феодально зависимого населения — «пашенных холопов».

Однако именно эта основа позиции М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина и является особенно уязвимой.

В сущности говоря, вся аргументация М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина в доказательство того, что под «смердьим холопом» надо понимать «пашенного холопа», заключается в истолковании прилагательного «смердий» как «пашенный». Однако такое толкование термина «смердий» не подкрепляется ни его этимологией, ни прямыми данными источников, в которых содержится термин «смердий». В самом деле, грамматически слово «смердий» представляет собой прилагательное от «смерд» и тем самым обозначает принадлежность к смерду. Именно так определяет термин «смердий» И. И. Срезневский: «смерди = смердии — прилагательное от слова „смердь“.²⁴ Е. Ф. Карский переводит «смердии (смердии)» как «крестьянский, мужика».²⁵ В. Даль определяет: «смердов, смердий, все, что лично его; смердий, что к нему относится».²⁶ Наконец, сам М. Н. Тихомиров в Словаре, приложенном к его изданию «Русской Правды», принимает перевод И. И. Срезневского и определяет «смердии — смердии» как прилагательное от «смердь».²⁷

Обратимся к рассмотрению того, в каком смысле слово «смердий» употребляется в источниках. Нам известны следующие случаи употребления слова «смердий»: смердий конь,²⁸

²⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, столб. 447.

²⁵ Е. Ф. Карский. Русская Правда. Л., 1930, стр. 112.

²⁶ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, стр. 232.

²⁷ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды, стр. 167.

²⁸ Краткая Русская Правда, ст. 28.

смердья задница,²⁹ смердий сток,³⁰ смердые племя,³¹ смердья места,³² смердья грамота,³³ смердий мост (в Пскове),³⁴ смердья ворота (в Пскове),³⁵ смердья чадь («смердия чедь»),³⁶ смердий сын (пословица: «Не дай бог владети смердью сыну собольею шубой»).³⁷ Наконец, слово «смердий» встречается в топонимике.³⁸

Во всех приведенных случаях слово «смердий» означает принадлежащий смерду относящийся к смерду: конь смерда, наследство смерда, имущество смерда, племя смердов, места смердов, грамота, относящаяся к смердам, мост смердов, ворота смердов, люди-смерды, сын смерда. И ни в одном случае текст, в котором употребляется термин «смердий», не позволяет перевести его словом «пашенный» или аналогичным ему.

Правда, А. А. Зимин предлагает толкование термина «смердий конь» ст. 28 Русской Правды, по аналогии со «смердьим холопом» (в его же интерпретации этого термина), как «пашенный конь». По мнению А. А. Зимина, «в статье различается княжеский конь „с пятном“, т. е. клейменный, племенной, использовавшийся в военных походах... от „смердьего“, т. е. находящегося в пользовании у смердов, „пашенного“». ³⁹ Однако толкование А. А. Зимина никак не может быть принято. В самом деле, А. А. Зимин считает, что «княжеский конь „с пятном“ — это «клейменный, племенной, использовавшийся в военных походах». Но такое толкование «пятна» совершенно произвольно.

²⁹ Пространная Правда, Троицкий IV список, ст. 90.

³⁰ Пространная Правда, Музейский II список, ст. 90.

³¹ Ипатьевская летопись под 6748 г.

³² Двинские акты XV в.; см.: ГВНП, №№ 145, 148.

³³ Псковская II летопись под 6954 г. — Грамота вел. кн. Александра и псковского посадника Твердила; см.: ГВНП, № 348.

³⁴ Псковская I летопись под 6581 г.

³⁵ Псковская I летопись под 6970 г.

³⁶ Шестоднев Иоанна экзарха болгарского. Чтения ОИДР, 1879, кн. III, стр. 19; ср.: П. Н. Мрочек-Дроздовский. 1) Исследования о Русской Правде, вып. I, М., 1881, стр. 57; 2) Исследования о Русской Правде. Приложения ко II выпуску. М., 1886, стр. 221.

³⁷ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 232.

³⁸ См.: Е. А. Рыдзевская. Слово «смерд» в топонимике. Проблемы источниковедения, т. II, М.—Л., 1936, стр. 7.

³⁹ ПРП, вып. 1, стр. 99. — Предшественником А. А. Зимина в такой трактовке княжеского коня «с пятном» является Г. Е. Кочин, допускавший возможность того, что «под княжим конем», «ниже той с пятном», «можно подразумевать верхового княжого коня, боевого коня или племенного» (Русская Правда. Учебное пособие, стр. 51, комментарий Г. Е. Кочина к ст. 28 Краткой Правды). Впрочем, сам Г. Е. Кочин, по-видимому, считал более вероятным, что «большее взыскание за княжого коня может найти объяснение в социальной принадлежности хозяина — княжое находит более энергичную защиту» (там же).

«Пятно», т. е. конское тавро, представляло собой знак собственности, которым пятнались все княжеские кони безотносительно к тому, к какой категории они относились. Как указывает Б. А. Рыбаков, специально исследовавший вопрос о знаках собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, «княжескими знаками был помечен весь живой и мертвый инвентарь княжеского хозяйства — кони, бортные ужожи, земля».⁴⁰

Широко известен рассказ Ипатьевской летописи (под 1170 г.) о том, как великий князь Мстислав «озлобився» на бояр, Петра и Нестора Бориславичей «про ту вину, оже бяху холопи ею (Бориславичей, — И. С.) покрале коне Мстислави у стаде и пятны свое въсклале рознаменываюче».⁴¹ Комментируя этот рассказ, Б. А. Рыбаков правильно излагает суть инцидента, указывая, что «бояре Бориславичи подверглись опале за попытку украсть великокняжеских коней и скрыть преступление путем замены княжеского тавра („пятна“) своим боярским пятном».⁴²

Из рассказа Ипатьевской летописи, который с полным правом можно рассматривать как своего рода реальный комментарий к статье Русской Правды о княжом коне, следует, во-первых, что княжеское «пятно» имели все княжеские кони (ибо трудно себе представить, чтобы в стаде, из которого холопы Бориславичей крали коней, принадлежащих Мстиславу, были одни лишь «племенные» или «использовавшиеся в военных походах»), во-вторых, что «пятно» не являлось отличительной принадлежностью одних лишь княжеских коней, а имелось и у боярских коней. Больше того, исходя из материалов более позднего времени (XV—XVI вв.) о пятнании коней как обязательной процедуре удостоверения законности владения конем данным лицом, можно считать, что и во времена Русской Правды «пятно», т. е. тавро, должны были иметь все кони, в том числе и смерды.⁴³

⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. Советская археология, т. VI, 1940, стр. 257; ср.: Б. А. Рыбаков. Ремесло в древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 492.

⁴¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 370.

⁴² Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, стр. 230.

⁴³ По определению Е. Осокина, «пятном называли пошлину, собираемую с клеймения лошадей при их продаже. Хотя о пятне (в смысле пошлины, — И. С.) не встречается известий в источниках до начала 15 столетия, однако же, по всей вероятности, эта пошлина существовала гораздо ранее... Продажа и мена лошадей происходили обыкновенно в городах и селах на конских площадках. Продавец и покупатель объявляли о своей сделке пятенщикам, которые пятнали лошадей, записывали их в книги в шерсть, обозначая имена покупщика и продавца, и от пятна брали пятенное, а от записки лошадей писчие, писчую деньгу.

Таким образом, несомненно, «пятно» имел и «смердий конь», о котором идет речь в ст. 28 Правды Ярославичей. Только «пятно» это было иным, чем у княжеских коней. В этой связи следует указать на то, что предлагая свою интерпретацию «смердьего» коня как княжеского, «находящегося в пользовании у смердов», А. А. Зимин упустил из виду то, что в этом случае «смердий конь» как раз имел бы то самое (княжеское) пятно, которое он рассматривает как принадлежность одних лишь племенных и воинских коней князя.

Поэтому противопоставление в ст. 28 «смердьего коня» княжескому коню «с пятном», означающее, что «смердий конь» не имел княжеского «пятна», с бесспорностью свидетельствует о том, что «смердий конь» не является собственностью князя, а следовательно, принадлежит смерду, является конем смерда.¹⁴

Возвращаясь к Русской Правде, следует отметить, что смысл указания на то, что княжеский конь — «с пятном», заключается не в том, что он клейменный, а в том, что «пятно» это княжеское, что и предусматривает более квалифицированное наказание за кражу княжого коня, чем за кражу «коня смердьего».

Правильность такого понимания формулы о княжеском коне с «пятном» доказывается прежде всего Пространной Правдой.

Пятнение и записывание лошадей введены были для удостоверения в действительности продажи и покупки, для того, чтобы постороннее лицо не могло назвать купленную кем-либо лошадь своею и обвинять владельца в воровстве или разбое. Без этого учреждения было бы труднее доказать законное приобретение собственности на лошадь, ибо покупатель не всегда мог представить налицо продавца лошади» (Е. Осокин. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850, стр. 80—81). Материал о процедуре пятнания коней содержит «Запись о Ржевской дани» (датируемая временем «после 1479 г.»), в которой рассказывается, как ржевский наместник Ивана III «затеялся кони пятнати и жеребьята и клячи по всей волости своим пятном, и взял с каждого коня и с жеребятъ, и с клячи по деньзе, хотя бы в одном дворе было десятеро, альбо двадцать коней, то с каждого коня по деньзе» (АЗР, № 71, а также: Сборник Муханова, изд. 2-е. СПб., 1866, № 29, стр. 47). С точки зрения литовского правительства криминал московского наместника заключается в его попытке использовать процедуру пятнания как источник своего обогащения, превратив пятнание в принудительное и распространив его как на жеребят, так и на неполноценных лошадей — «кляч». Но сама процедура пятнания описана исключительно красочно.

¹⁴ О том, что смерды имели своих коней, видно из летописного рассказа о Долобском съезде; см. исследование Б. А. Романова «Смердий конь и смерд» (Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 3). По мнению Б. Д. Грекова, «смердий конь» может быть понят как конь, принадлежащий смерду. Такое толкование Б. Д. Греков считал «наиболее вероятным». Однако он допускал, что «возможно и другое понимание „смердьего коня“ — как княжеского, на котором работает зависимый от хозяина-князя смерд» (Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 146).

воспроизводящей ст. 28 Краткой Правды, но в новой редакции, опускающей указание на «пятно» и говорящей о княжеском коне в общей форме и в такой же общей форме противопоставляющей княжеского коня коням иных лиц — «а будеть был княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инех по 2 гривны» (ст. 45). Редакция Пространной Правды не оставляет сомнения в том, что противопоставление княжеского коня коням «иных» лиц ведется в плане социальном, в плане противопоставления не различных категорий лошадей, а различных групп собственников коней. Несомненно, в таком же, социальном, плане противопоставляется «княж конь» «смердьево коню» и в Краткой Правде.

Социальный аспект рассмотрения в Краткой Правде вопроса о «княжом» и «смердьем коне» подтверждает ст. 32 Краткой Правды, посвященная вопросу о борти. В дошедших до нас списках Краткой Правды ст. 32 имеет следующий вид: «А в княже борти 3 гривне, любо пожгуть, любо изудруть». Но в Татищевских списках Краткой Правды статья о борти дается в иной редакции: «В княжи борти 3 гривны, любо пожгут, любо изодрут, а в смерди 2 гривны»,⁴⁵ т. е. по своей конструкции точно совпадает с конструкцией ст. 28 о коне. Правда, исследователи, по-видимому, справедливо считают вторую половину статьи о борти в Татищевских списках Краткой Правды «добавлением», сделанным Татищевым.⁴⁶ Но если слова «а в смерди 2 гривны» и являются ученой конъектурой Татищева, то это, несомненно, правильная конъектура, верно восстанавливающая текст протографа, не сохранившийся в имеющихся в настоящее время списках Краткой Правды. Ибо самый факт указания в ст. 32 на княжескую борть предполагает логически обязательное противопоставление этой княжеской борти бортям не княжеским, т. е. прежде всего смердьям. А так как в сочетании с «бортью» термин «княжеский» не допускает толкования иначе, как в плане социальном (по типу толкования этого термина в отношении «коня», предложенного А. А. Зиминим), то, естественно, это служит еще одним доказательством того, что и в статье о коне термин «княж» также употреблен в социальном смысле. Обращение к Пространной Правде подтверждает предлагаемое толкование статьи о борти. Пространная Правда, перерабатывая ст. 32 Краткой Правды, превращает ее в две статьи: статья 75 — «А се борти. Аже борть подьтнет, то 3 гривны продаже, а за дерево пол гривны»; статья 76 — «Аже пчелы выде-

⁴⁵ С. Н. Валк. Татищевские списки Русской Правды. Материалы по истории СССР, вып. V. М.—Л., 1958, стр. 654; ср. там же, стр. 642, а также: Правда Русская, т. II, стр. 826, 830.

⁴⁶ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 649.

реть, то 3 гривны продажи, а за мед, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кун; будеть ли олек, то 5 кун».

В этой новой редакции статьи о борти — в плане рассматриваемой проблемы — существенно, конечно, не то, что статья о борти в Пространной Правде приобрела вид более детальный и развернутый, а то, что Пространная Правда универсализировала формулу о повреждении борти, устранив оттуда указание на княжескую борть. В таком виде статья о борти превратилась из статьи, охраняющей княжеские бортные леса (какой она была в Правде Ярославичей), в статью, охраняющую феодальную собственность (бортные леса) независимо от того, какой из категорий феодалов (князь, боярин, церковь) принадлежала эта собственность. Но и здесь логической основой схемы построения статьи о борти является противопоставление феодала смерду. Только это противопоставление приобрело другую форму. Вместо антитезы Правды Ярославичей: повышенная охрана княжеской борти и пониженная — смердьею, антитеза Пространной Правды принимает вид охраны феодального права собственности на бортные леса от посягательств на эту собственность со стороны смердов. Ибо и ст. ст. 75—76 о борти и все остальные статьи того раздела Пространной Правды, в состав которого входят эти статьи, предполагают, что преступником, совершающим то преступление, о котором идет речь в статьях данного раздела, является именно смерд.⁴⁷

⁴⁷ См. нашу статью «Проблема „смердов“ в Пространной Правде» (Исторические записки, № 64, 1959, стр. 281). Может быть вопрос: чем объясняется, что, перерабатывая статью о коне, Пространная Правда сохранила «княжого коня», а перерабатывая статью о борти — устранила «княжую борть»? Ответ на этот вопрос, нам кажется, следует искать в характере тех разделов, к которым относились статьи о коне и о борти в Правде Ярославичей, и тех разделов, в которые соответственно вошли статьи о коне и о борти в Пространной Правде. Относясь к «домениальным» статьям Правды Ярославичей, статья о коне и в Пространной Правде находится в том разделе, который посвящен феодальной вотчине — только теперь уже не одной княжеской, а и боярской, и чернеческой. Соответственно этому и переработка статей Правды Ярославичей, вошедших в данный раздел Пространной Правды, заключалась в распространении норм Правды Ярославичей, относящихся к княжескому домену, на все категории феодального землевладения. В статьях о составе княжеского двора это было достигнуто припиской: «Тако же и за бояреск». В статье о коне переработка была осуществлена другим путем: заменой формулы о «смердьем коне» формулой об «иных» конях. Эта новая формула в сочетании с припиской, определяющей содержание данной статьи как «Уроки смердам» при краже скота, коренным образом меняла смысл статьи о коне, делая ее обращенной против смерда, квалифицируемого здесь как преступник, крадущий княжеских и «иных» (т. е. принадлежащих иным феодалам) коней.

Статья о борти (ст. 32), в отличие от статьи о коне (ст. 28), относится ко второй, не-«домениальной» части Правды Ярославичей, посвя-

Итак, анализ и Русской Правды, и других источников не подтверждает предложенной А. А. Зиминим интерпретации «княжого» и «смердъего» коней ст. 28 Правды Ярославичей. Но тем самым лишается силы и аргументация А. А. Зимина в защиту понимания «смердъего холопа» как «пашенного холопа», основанная именно на параллели между «смердъим холопом» и «смердъим конем».

Что касается остальных доказательств, приводимых А. А. Зиминим в защиту его толкований термина «смердий холоп», то они еще менее убедительны. Так, указывая, что «„смердий холоп“ появился в результате унификации различных наименований челяди», А. А. Зимин обосновывает этот свой тезис следующим рассуждением: «Как в ст. ст. 13, 14 (Пространной Правды, — И. С.) из конюха и огнищанина Краткой Правды появились конюшенный и огнищный тиун, так и в ст. 16 появился из смерда и холопа „смердий холоп“». ⁴⁸ Нетрудно убедиться, однако, в том, что приведенное рассуждение А. А. Зимина построено логически ошибочно. В самом деле, он утверждает, что, подобно тому как «в результате унификации наименований» из двух разнородных наименований Краткой Правды: конюха и огнищанина, — в Пространной Правде появились два однотипных наименования: конюшенный тиун и огнищный тиун, подобно этому из «смерда» и «холопа» Краткой Правды» появился «смердий холоп» Пространной Правды. Однако никакого подобия в этих двух параллельных рядах нет. Если сопоставление конюха и огнищанина Краткой Правды с «конюшенным» и «огнищным тиуном» Пространной Правды действительно приводит к заключению об унификации наименований «различных категорий челяди», то вместе с тем это сопоставление свидетельствует

щенной главным образом социальному «окружению» княжеского домена, т. е. верви и ее населению. В соответствии с этим и в Пространной Правде статьи о борти, как сказано, находятся в разделе, посвященном вопросу об ответственности верви и смердов за преступления против феодальной собственности. Поэтому в отличие от того раздела Пространной Правды, в составе которого находится статья о коне и в котором логическим подлежащим во всех статьях является феодальная вотчина (княжеская, боярская или иная), — в разделе Пространной Правды, где находится статья о борти, в качестве логического подлежащего выступает вервь и ее население — смерды. В соответствии с такой логической структурой этого раздела и стоит тот характер переработки, какой подверглась в Пространной Правде статья Правды Ярославичей о борти. В плане определения ответственности верви существенно было сформулировать самое содержание преступного акта — безотносительно к тому, кто конкретно является потерпевшим в результате данного акта. Это и определило собой ту обобщенную форму, которую приобрели в Пространной Правде статьи о борти.

⁴⁸ ПРП, вып. 1, стр. 145.

и о том, что речь идет именно об унификации наименований, а не о слиянии различных категорий челяди времен Краткой Правды в некую единую категорию в Пространной Правде. И под новыми наименованиями в Пространной Правде выступают, так же как и в Краткой Правде, те же две категории челяди.

Совершенно иначе получилось у А. А. Зимина со второй парой наименований из Краткой Правды: со «смердом» и «холопом». Исходя из тезиса об «унификации наименований» и продолжая параллель с «конюшим» и «огнищанином», следовало бы ожидать, что и в случае со «смердом» и «холопом» из этих двух разнородных наименований Краткой Правды в Пространной Правде должно было образоваться два однородных термина типа «конюшенный тиун» и «огнищный тиун». Однако в схеме А. А. Зимина получается совсем по-другому: разнородные термины («смерд» и «холоп») не унифицируются, а просто сливаются в один («смердий холоп»).

Таким образом, получается явная логическая неувязка.

Из предложенной А. А. Зиминим схемы образования термина «смердий холоп» логически следует, что слияние в единый термин «смердий холоп» терминов «смерд» и «холоп» отражает слияние в единую социальную категорию «смердых холопов» двух ранее существовавших самостоятельно категорий: смердов и холопов.

По-видимому, однако, мысль А. А. Зимина заключалась несколько в ином.

Продолжая оставаться логически непоследовательным, он ставит образование термина «смердий холоп» в связь с процессом эволюции холопства, с превращением термина «холоп» в термин, «обнимающий ряд групп зависимого населения», «с превращением отдельных групп холопов в разряды феодально зависимого населения».⁴⁹ В результате этого из единого термина «холоп» образуются новые термины: Пространная Правда знает «обельного холопа» (см. ст. ст. 56, 61, 63), т. е. полного раба, и «смердьего холопа», т. е. «холопа пашенного».⁵⁰

Итак, «смердий холоп» образовался в результате своего рода расщепления единого термина «холоп» на термин «обельный холоп» и «смердий холоп». Если эту итоговую часть рассуждений А. А. Зимина сопоставить с его тезисом об «унификации наименований различных категорий челяди», то мы, кажется, получаем, наконец, возможность разобраться в том, что имел в виду А. А. Зимин, говоря о том, что из «смерда»

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

и «холопа» Краткой Правды появился «смердий холоп» Пространной Правды; по-видимому, его мысль заключалась в том, что из «смерда» и «холопа» Краткой Правды появился в Пространной Правде не только «смердий холоп», но и «обельный холоп».

Надо сказать, однако, что и в таком виде схема А. А. Зимина остается необоснованной и произвольной. Ибо в ст. 16 Пространной Правды, соответствующей ст. 26 «Правды» Ярославичей, нет новой социальной пары («смердий холоп» и «обельный холоп»), в которую, по А. А. Зимину, должна была эволюционировать социальная пара ст. 26: «смерд» и «холоп». И «обельный холоп» ст. ст. 56, 61 и 63 Пространной Правды, на которого он указывает, не имеет никакого отношения к ст. 16 и к истории ее текста. Если же учесть, что в отношении ст. 26 Правды Ярославичей позиция А. А. Зимина, как мы видели, заключается в признании того, что в ней речь идет не о «смердьем холопе», а о «смерде» и «холопе», то окажется, что в Пространной Правде, так же как и в Краткой, широко представлены и «смерд» и «холоп» (причем не только в новых статьях, но и в статьях, перешедших из Краткой Правды) и что поэтому ни о каком появлении нового термина «смердий холоп», явившегося в результате трансформации старых терминов «смерд» и «холоп», вообще не может быть и речи.

Итак, детальное рассмотрение аргументации А. А. Зимина по вопросу о предложенном им толковании термина «смердий холоп» приводит к выводу, что толкование это является ошибочным и не может быть принято.

Что касается М. Н. Тихомирова, то он в обоснование своего толкования, что «„смердий холоп“ — это тот холоп, который занят в хозяйстве и выполняет работу смерда, т. е. обрабатывает землю», — ограничивается лишь ссылкой на «различные наименования холопов», зарегистрированные в «Материалах для терминологического словаря древней Руси» Г. Е. Кочина,⁵¹ приведя в качестве примера таких наименований — «беглый», «боярский», «по ключу», «обельный». Однако эта ссылка скорее говорит против М. Н. Тихомирова. Ибо в «Материалах для терминологического словаря», охватывающих более или менее исчерпывающе источники за период с древнейших времен до конца XV в., как раз наименование «смердий холоп» и отсутствует, что, конечно, было бы весьма маловероятно, если бы термин «смердий холоп» действительно представлял собой на-

⁵¹ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды, стр. 87.

именование, обозначавшее холопов, обрабатывавших боярскую пашню.

В заключение рассмотрения вопроса о «смердьем холопе» необходимо вновь вернуться к П. Мрочек-Дроздовскому. Сделать это необходимо, потому что именно ему, впервые предложившему толкование «смердьего холопа» как «пашенного холопа», принадлежит и единственная в литературе попытка филологического обоснования такого толкования.

Вот это «рассуждение» (как он сам его называет) Мрочек-Дроздовского: «Характеристический признак смердовства — земледельческий промысел, а все, относящееся к этому промыслу, может носить, и как показывает Правда Русская, действительно носило название смердьего. Прилагательное „смердий“ небезызвестно и летописному языку, и хотя здесь оно употреблено в смысле происхождения лица от смердов, но необходимо предположить, что то же прилагательное употреблялось и в другом также относительном значении. Другими словами — отличительный признак смерда есть то, что он земледелец (землевладельцем он мог быть и не быть); если же так и если в летописном языке есть прилагательное смердий, то ясно, что это прилагательное должно обозначать все, относящееся к смерду-человеку, а главным образом к смерду-земледельцу. Если, стало быть, прилагательное смердий может относиться к племени (в смысле рода или происхождения), то тем более, тем с большим правом его должно приложить ко всему земледельческому, как характеризующему смерда, выделяющему его из среды других человек: напр., смердье дело (земледелие), смердья работа, смердий конь (рабочая, земледельческая лошадь) и т. д.»⁵²

П. Мрочек-Дроздовский считает свое рассуждение «в особенности важным» «для истолкования постановления Правды Русской о смердьем холопе».⁵³ Нам представляется, однако, что важность или, скорее, интерес приведенного рассуждения Мрочек-Дроздовского заключается в том, что оно очень наглядно показывает, насколько необоснованным является толкование «смердьего холопа» как «пашенного холопа».

В самом деле, все это рассуждение представляет собой цепь логических умозаключений («может носить», «необходимо предположить», «должно обозначать», «должно приложить»), причем покоящихся на ошибочном основании. Ибо из того, что

⁵² П. Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде. Прил. ко II вып., стр. 213. К этому месту дается ссылка на «Историческую грамматику русского языка» Ф. И. Буслаева.

⁵³ Там же.

смерд — земледелец вовсе не следует обратное: что «все земледельческое» — это «смердь». Приводимые же Мрочек-Дроздовским примеры: «смердь дело», «смердья работа» (за исключением «смердьего коня») — являются не терминами, извлеченными из источников (этих терминов нет ни у Даля, ни у Срезневского, ни у Кочина), а придуманы самим Мрочек-Дроздовским, исходя из его схемы. Наконец, ничего не доказывает и ссылка на «Историческую грамматику русского языка» Ф. И. Буслаева. Ссылка эта, очевидно, должна была означать подтверждение правильности с лингвистической точки зрения предлагаемого Мрочек-Дроздовским способа образования термина «смердий». Однако параграф 67 «Исторической грамматики» Буслаева (на который он ссылается), хотя и посвящен вопросу об образовании относительных прилагательных (к которым грамматически относится «смердий»), не содержит ни термина «смердий», ни производных от него и рассматривает лишь «важнейшие из суффиксов прилагательных имен относительных».

Впрочем, некоторые выводы по вопросу о термине «смердий» из обращения к «Грамматике» Ф. И. Буслаева все же сделать можно (но только совсем не те, которые имел в виду Мрочек-Дроздовский). Прилагательное «смердий» грамматически относится к тем прилагательным именам относительным, которые образуются с помощью суффикса *-и* (*ь*). По характеристике Буслаева, «суффикс *-и*, сокращающийся в *-ь*, особенно употребительный в церковно-славянском и древнерусском». В числе слов, образующихся с помощью этого суффикса, Ф. И. Буслаев приводит и «кѣнѣажь» (княжий) и «человѣчь» (человечий) — слова, являющиеся и грамматически, и текстологически, и, наконец, семантически наиболее близкими слову «смердий» (смердь). При этом Буслаев специально останавливается на рассмотрении одной ошибки, связанной с суффиксами имен прилагательных, заключающейся в том, что «часто смешивают суффиксы *-ь* (*-и*, *-ј*), *-ов*, *-ев*, *-ин* с суффиксом *-ск*. Но первые означают принадлежность; напр., божий, человеческий, царев, батюшкин; а последний — отношение: божеский, человеческий, царский, отеческий».⁵⁴

Итак, суффикс *-ь* (*-и*, *-ј*), с помощью которого образуются прилагательные типа «человечий», «княжий» (а следовательно, и «смердий»), означает «принадлежность», а не «отношение». Следовательно, грамматически слово «смердий» означает именно «принадлежащий смерду», а не «относящийся к смерду», как предлагают толковать это слово П. Мрочек-Дроздовский, а в со-

⁵⁴ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, изд. 2-е. М., 1863, стр. 138—142.

ветской литературе — М. Н. Тихомиров и А. А. Зимин. Если же статью на точку зрения Мрочек-Дроздовского и считать, что «это прилагательное («смердий», — И. С.) должно обозначать все относящееся к смерду», то тогда бы оно имело форму не «смердий», а «смердовский» — термин, которого, однако, нет ни в Русской Правде, ни в каком ином источнике.

Подводя итоги рассмотрению вопроса о термине «смердий холоп», следует прийти к заключению, что термин «смердий холоп» допускает филологически лишь одно толкование: холоп, принадлежащий смерду. Однако принятие такого толкования противоречит всему характеру эпохи, исключающей возможность наличия смерда-холоповладельца. Поэтому единственно возможное решение проблемы «смердьего холопа» — это решение палеографическое, объясняющее появление термина «смердий холоп» в Русской Правде ошибочным чтением формулы «смерд и холоп».⁵⁵

⁵⁵ Первичность и правильность чтения «смерд и холоп» подтверждается Первым Литовским Статутом 1529 г. Известно, что Русская Правда является одним из основных источников Литовского Статута, который в большом количестве своих статей частью воспроизводит нормы Русской Правды в неизменном виде, частью подвергает их той или иной переработке, имеющей целью приспособить эти нормы к условиям эпохи. К числу разделов Литовского Статута, в которых Русская Правда, как источник правовых норм Литовского Статута, выступает особенно очевидно, относится раздел «О головщины людей путных и мужицкие и парубоцкия». Характеризуя этот раздел Литовского Статута, Н. А. Максимейко подчеркивает, что «если сличить указанные артикулы Литовского Статута с однородными постановлениями Русской Правды, то станет видно, что они составлены под влиянием последней» (Н. А. Максимейко. Источники уголовных законов Литовского Статута. Киев, 1894, стр. 43). И действительно, среди статей этого раздела мы находим статьи, полностью воспроизводящие соответствующие статьи Русской Правды (например, о головщине за «ремесника», за «тивуна»). Здесь же имеется и статья, источником которой является статья Русской Правды о «смерде и холопе». Статья эта гласит: «А хто бы мужика тяглою забил, тот має платити за него головщины 10 коп грошей; а за парубка невольного головщины 5 коп грошей, а жонце невольной потомуж головщины». Сопоставление этой статьи со ст. 16 Пространной Правды: «А за смерд и холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен» (Карамзинский список) не оставляет сомнения в том, что Литовский Статут точно воспроизводит норму Русской Правды, лишь заменив термины XII в.: «смерд», «холоп», «роба» современными ему терминами: «мужик тяглый», «парубок невольный», «жонка невольная». Но отсюда следует, что во времена Русской Правды речь шла именно о «смердах» и «холопах», превратившихся к XVI в. в «мужиков тяглых» и «парубков невольных» (о терминах для обозначения различных категорий крестьянства и холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. см.: М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1893, стр. 297—358; В. И. Пичета. Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. Исторические записки, 1946, т. XX), а не о «смердьем холопе», из которого никак не выведешь «тяглою мужика».